

Литература:

1. Сергачев, С.А. Ансамбль Белорусской сельхозакадемии: у истоков создания / С.А. Сергачев // *Техническое нормирование, стандартизация и сертификация в строительстве*. – 2009. – № 1. – С. 149–156.

2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд 2259. – Оп. 1. – Д. 100. Переписка с 3 Департаментом Министерства государственных имуществ о составлении планов м. Горки и имений, принадлежащих школе. 18 февраля 1841 – 5 мая 1844 г.

3. Полное собрание Законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XVII. Отделение второе. 1842. – Санкт-Петербург: в Типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1843. – 244 с.

4. НИАБ. Фонд 2189. – Оп. 1. – Д. 21. Дело о постройке домов священникам церковей мест. Горки

Оршанского у. и о наделении их участками земли. 12 июня 1847 – 9 октября 1853 г.

5. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Под общ. ред. Е.И. Кириченко. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 340 с.

6. НИАБ. Фонд 2259. – Оп. 1. – Д. 286. Отчет о деятельности школы за 1844 г. 17 ноября 1844 – 22 января 1845 г.

7. ИАБ. Фонд 2259. – Оп. 1. – Д. 611. Сведения о количестве домов в Горках и др. 8 мая 1844 – 15 июля 1849 г.

8. НИАБ. Фонд. 2259. – Оп. 1. – Д. 187. Дело об освидетельствовании здоровья крестьян имений, принадлежащих земледельческой школе, о разрешении строительства зданий вдоль шоссе и др. 30 октября 1841 г. – 22 ноября 1844 г.

УДК711.01

**АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ
И УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИИ**

К.К.Хачатрянц

Профессор, кандидат архитектуры, кафедра «Градостроительство», БНТУ

В настоящей статье поднимаются некоторые вопросы, касающиеся объективных закономерностей современной урбанизации и их учета в архитектурно-градостроительном проектировании.

Введение. Статья написана как диалог с кандидатом архитектуры Г. Баранцом (в

9. Чантурия, Ю.В. Градостроительное наследие Беларуси второй половины XVI – первой половины XIX в.: Средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм / Ю.В. Чантурия. – Минск: Беларус. наука, 2005. – 375 с.

10. Слюнькова, И.Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII – середины XIX в. / И.Н. Слюнькова. – Минск: Наука і тэхніка, 1992. – 143 с.

11. Морозов, В.Ф. История архитектуры Беларуси. Эпоха классицизма / В.Ф. Морозов. – Минск: БНТУ, 2006. – 151 с.

12. Винер, В.В. Краткий обзор истории Горы-Горецкого Земледельческого Института / В.В. Винер // *Записки Горецкого Сельско-Хозяйственного Института*. – Т. 1. 1923. – Горки: Типо-литография Горецкого С.-Х. Института, 1924. – С. 9–21.

13. НИАБ. Фонд 2189. – Оп. 1. – Д. 112. Дело об осмотре работ по устройству тротуаров в гор. Горках. 9 июля 1862 – 26 ноября 1862 г.

14. НИАБ. Фонд 2259. – Оп. 1. – Д. 1759. Переписка с Департаментом сельского хозяйства о включении земель и построек института в черту гор. Горок. 3 октября 1862 – декабрь 1863 г.

15. НИАБ. Фонд 2189. – Оп. 1. – Д. 132. Дело о составлении планов городов Могилевской губ. и статистическое описание гор. Гомеля. 27 ноября 1867 – 23 февраля 1873 г.

S.A. Sergachev

**DESIGNING AND REALIZATION OF “THE
NEW DEVIC OF TERRITORY” GORKY TOWN
IN MOGILEV PROVINCE, 1840**

The first general layout of Gorky town in Mogilev province was developed by architect Anzhelo Kampioni in the beginning of the 1840th. Working out methods of the general layout and its realization differed from similar works of other cities of the Russian empire at that time. It helped to consider better socio-economic factors, features of town-planning structure and to avoid realization of out-of-date ideal compositions.

дальнейшем Г. Б.), конкретно – с его статьей «Особенности управления развитием городов в современных условиях», помещенной в настоящем сборнике и носящей открыто полемический характер. В ней Г. Б. спорит с «нашими теоретиками градострои-

тельства», к которым он, судя по ссылкам на литературные источники, относит И. Иодо, Г. Потаева и меня* (за себя благодарю, со-

гласиться не могу, буду считать себя «прикнувшей к ним»), а также, что главное, предлагает свои решения ряда серьезных проблем градостроительства и территориальной планировки. Я беру на себя смелость выступить оппонентом Г. Б. именно по вопросам систем расселения, обходя молчанием его позицию по планировочным моделям городов. Не потому, что я с ней согласна, но размеры статьи тогда становятся недопустимо большими.

В области территориальной планировки к поднятым Г. Б. вопросам относятся:

1. Роль архитекторов в управлении развитием систем расселения; последний термин не вынесен автором в заголовок, но присутствует в тексте;

2. Результативность различных моделей пространственной организации систем расселения, используемых при управлении их развитием;

3. Стадийность процессов урбанизации;

4. Социальные цели управления территориальным развитием.

* *Основная часть. Вопрос первый, языковедческий.*

Наиболее простым для полемики (по крайней мере, на первый взгляд) мне кажется-

ся анализ утверждения Г.Б. о том, что «существующие теоретические разработки в рамках на-циональной градостроительной школы стараются избегать использования понятия «планирование» применительно к определению сущности профессиональной деятельности, **поскольку оно несет в себе опасность ответственности за фактически полученный конечный результат** (выделено мной – К. Х.). Для нашей теории симптоматична активная эксплуатация понятия «планировка» (т.е. формальная организация пространства)» – *конец цитаты.*

Здесь автором подняты два «подвопроса»:

а) сам факт использования понятий «планировка» или «планирование» для определения сущности профессиональной деятельности;

б) причина выбора того или иного понятия.

1. По первому подвопросу могу ответить только «Ну да, планировка! А что?». В наших «теоретических разработках» мы не одиноки, с нами авторы всех официальных советских учебников (например, [3]), всех советских, а затем и белорусских, норм проектирования [4, 5, 6, 7, 8], в которых всегда присутствует слово «планировка», часто в сочетании со словом «застройка», и по которым многие поколения архитекторов выполняли и выполняют свои профессиональные обязанности. И ничем другим, кроме планировки, заниматься они просто не имеют права. Источник недовольства Г.Б. мне видится в давнем споре, активно протекавшим лет 15 назад, когда ожидалось обновление всего и вся, прежде всего путем широкого заимствования идей и методов на передовом англоязычном Западе. Многим тогда на постсоветском пространстве показалось, что «рамки русского узки», как в сатире Маяковского конца 20-х годов. Скорее всего, и «планировщики» и «плановики» опирались на английское «planning». Слабая зная английский, я решила уточнить перевод по Англо-русскому строительному словарю, изданному полвека назад в Москве Главной редакцией иностранных научно-технических словарей [9]. На с. 373 нашла:

* За скобки статьи необходимо вынести вопрос, важнейший с этической точки зрения о том, кого следует назвать «нашими ведущими теоретиками градостроительства», если говорить о развитии теоретической и методологической базы территориальной планировки в Беларуси. «За савецкім часам» БССР была на передовых позициях в Советском Союзе. Работы по расселению на национальном уровне выполнялись в Беларуси начиная с 60-х годов XX в. [1,2]. Эти серьезные документы составлялись большими коллективами, включавшими разных специалистов, но ведущее положение в них занимали архитекторы. Прежде всего И.И.Сенкевич, Ю.В.Шпит, И.А.Иодо (здесь Г.Б. абсолютно прав). В последние годы это направление возглавляет Д.И.Семенкевич.

1. Planning – проект, планировка; составление чертежа или плана; планирование;
2. city planning – планировка города;
3. compact planning – планировка города с плотной застройкой;
4. complex planning – комплексная планировка города;
5. country planning – планировка сельских населенных мест;
6. regional planning – районная планировка;
7. site planning – планировка пространственно-го освоения участка застройки;
8. totalitarian planning – общая планировка;
9. town planning – планировка городов;
10. town and country planning – планировка городских и сельских населенных мест и т.п.

Правда, современные государственные строительные нормы Украины называются «Планування і забудова міських і сільських поселень» [10, с. 53]. По-видимому, в украинском языке набор суффиксов ограниченнее, чем в русском. Последний же позволяет передавать более тонкие оттенки смысла, позволяет отличить планировку от планирования.

По второму подвопросу – о **причине** предпочтения планировки планированию. В первой статье “Закона об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь” [11], в разработке которого принимали участие Г. Потаев и И. Иодо, градостроительной деятельностью считается “деятельность по **градостроительному планированию**, размещению объектов строительства и застройке территорий...”. Размещение объектов на территории вроде бы и есть ее **планировка**, решающая некоторые задачи градостроительного (не социально-экономического во всем объеме, а только градостроительного) **планирования**. В учебнике И. Иодо и Г. Потаева [12] есть раздел «Управление развитием поселений и территорий», в котором на с. 202 подробно разъясняется смысл термина «**планирование**», понимаемого как «...определение целей и задач развития системы в течение конкретного (планового) периода, точный расчет необходимых ре-

сурсов и порядок обеспечения ими на весь период реализации плана, определение исполнителей и источников финансирования... Планы **градостроительного развития** (выделено мной – К. Х.) могут разрабатываться самостоятельно или входить в виде разделов в состав планов **социально-экономического развития** (выделено мной – К. Х.) поселения, территории...».

На всякий случай я сопоставила это понимание с трактовкой термина «планирование» в одной из недавно опубликованных работ по теории управления [13, с. 14]. Расхождений не нашла.

Резюме: мне кажется, что приведенные выше цитаты [11, 12] полностью опровергают высказанное Г. Б. предположение, что у нас теоретики предпочитают планировку планированию из-за боязни «**ответственности за фактически полученный конечный результат**». Разумнее предположить, что теоретики, вместе с многочисленными нетеоретиками, просто называют вещи своими именами. Планировку – планировкой, а планирование – планированием, т.е. деятельностью имеющей, по выражению Г. Б., ярко выраженный «политический аспект» и потому осуществляемой по инициативе и под руководством политиков, в нашем случае – представителей республиканской, региональной, местной власти. Ничего нехорошего при таком разграничении не происходит, просто не разрушаются без нужды исторически сложившиеся лингвистические стереотипы.

Основная часть. Вопрос второй, кибернетический.

Придется начать с цитаты из Г.Б. «В отечественной практике выработалась достаточно остроумная позиция, к становлению которой приложили руку и наши ведущие теоретики. Суть ее кратко может быть сформулирована следующим образом. **Города и системы расселения рассматриваются и как саморазвивающиеся объекты и как объекты управляемого развития...** (выделено мной – К.Х.). В этом есть определенное рациональное зерно... Но, с

другой стороны, это удобная позиция, которая дает возможность избегать критики... Все негативные явления, которые сопровождают развитие населенных мест и систем расселения, можно списать на «объективные процессы саморазвития». А все позитивное ... рассматривать как победное достижение теории и практики градостроительного проектирования» – *конец цитаты*. Т.е. автор нашел повод мягко попенять «ведущим теоретикам»: нехорошо уходить от ответственности за профессиональные неудачи, рассматривая объекты управления как саморазвивающиеся системы, которые не подчиняются произвольным указаниям, а функционируют и развиваются исключительно по законам, объективно им присущим.

Речь здесь идет о важнейшем моменте социального управления вообще, включая управление развитием территориальных и градостроительных объектов, поэтому мне представляются совершенно необходимыми некоторые уточнения.

Все сложные многоэлементные системы существуют, развиваются, усложняются в режиме динамического равновесия именно в силу того, что являются системами тем или иным способом упорядоченными, самоорганизующимися, гомеостатическими, равновесными. Бытие каждой такой системы протекает в рамках имманентных, присутствующих именно ей программ, но по универсальному алгоритму «**порядок – хаос – порядок**» (*цитируется по [14]*), а не беспорядок – порядок кем-то навязанный – беспорядок. Это сказано не «нашими ведущими теоретиками градостроительства», а Стенли Биром, известным английским специалистом в области кибернетики (общей теории управления). Согласно этой никем не оспариваемой концепции, на которой основаны все современные технологии управления сложными системами, хаотические явления, вплоть до кризисных, в сложной системе периодически непременно возникают в результате обострения внутренних противоречий системы (нарушение синхронности развития подсистем, усталость, чрезмерная усложненность и т.п.) или внешних возмущающих воздействий.

Если возмущения не принимают катастрофического, необратимого характера, не доводят систему, *по Г. Б.* «до «точки невозврата», предполагающей запуск процессов самораспада» (*конец цитаты*), система преодолевает болезнь, справляется с хаосом и переходит к новому, опять-таки динамически равновесному, имманентному именно ей порядку. Цель социального управления саморазвивающимися системами, в том числе поселениями и регионами, – оптимизировать, ускорить, удешевить условия преодоления ими возникающих энтропийных явлений, помочь перейти к новому равновесному состоянию, желательно такому, которое содействует устойчивому человеческому развитию. Состояние это нельзя навязать произвольно. Излечить систему от хаоса могут только такие лекарства, которые адекватны сущности системы, находятся в границах люфта, допускаемого природной упорядоченностью системы, свойственного именно ее правилам функционирования и развития.

Чтобы эффективно управлять городами и системами расселения, надо понимать их сущность и предвидеть их объективно обусловленные направления развития. Если понимание, пусть даже угадывание, этих направлений достигнуто, можно получить результат, соответствующий одновременно и законам бытия обитаемого пространства и нашим желаниям. Но, как справедливо замечает *Г.Б.*, здесь мы «имеем дело со сложнейшими объектами и процессами, которые остаются и еще долго будут оставаться недостаточно познанными» – *конец цитаты*. Значит, **приходится принимать решения в условиях неполной определенности**. Как это и происходит во всех сферах жизни. В результате житейский метод «проб и ошибок» признан научным (как метод верификации/фальсификации гипотез), а судьба затонувшего «Титаника» в рамках кибернетики вполне коррелирует с судьбой сгоревшей сибирской Мангазеи. Трагически неудачные пробы, стоившие жизни не тем, кто их затевал. Но без рисков, без рискованных, не всегда удачных решений нет прогресса. И неудачные решения в градостроительстве

(кто бы их ни принимал, включая Екатерину Великую, которая затевала создание Екатеринограда как южной столицы России, а он «самовольно» превратился из губернского города в уездный, затем в казачью станицу и в этот статусе живет по сию пору) являются следствием незнания или неучета объективных законов зарождения, функционирования и развития поселений и систем расселения: территории развиваются по своим, а не по проектно-расчетным правилам, их правила сильнее наших.

Основная часть. Вопрос третий, урбанизированный.

Сказав о недостаточном познании законов развития городов и систем расселения, Г. Б. все же предлагает свою оригинальную концепцию управления «**процессами урбанизации**» (выделено мной – К. Х.), конструктивного планирования пространственной организации среды общества... В отличие от традиционного взгляда на рост крупнейших городов как созидательный процесс в рамках предлагаемой теоретической концепции – это процесс разрушения. Причем разрушения не, только города-центра, но и самой территориальной системы расселения, ее организационно-пространственной структуры» – *конец цитаты*.

Используемая сегодня при территориальной планировке гравитационная модель по Г. Б. «...предполагает формирование и функционирование системы расселения как многоуровневой централизованной структуры, предполагающей связи между поселениями на основе отношения поселение-центр – прочие поселения в зоне влияния» – *конец цитаты*. Центры развиваются быстрее других поселений, в них направляются все ресурсы, в них концентрируется большее разнообразие функций, они подчиняют себе окружающие поселения. По Г. Б. эта модель устарела.

Сетевая же модель, складывающаяся сейчас на Западе, устраняет антитезу центр – окружение, стимулирует создание условий для конкурентного многообразия в

функционировании и развитии каждого поселения. Эта модель современна. По Г. Б. отказ от гравитационной модели и переход к сетевой в Беларуси необходим немедленно.

Кроме гравитационной и сетевой автор упоминает линейно-узловую, которая возникла раньше гравитационной, но по инерции существует по сей день. Этот вопрос интересен, особенно для антропологов и историков расселения Homo sapiens по Земле, но стоит несколько в стороне от сути полемики.

Мне кажется, что все затронутые Г. Б. вопросы, касающиеся моделей, используемых при управлении урбанизацией, разрешены в общей теории расселения, давно известной и широко освещенной в специальной, учебной и даже научно-популярной литературе. Настолько давно известной, что я не берусь указать ее истоки. Помню только, что впервые услышала ее связное и логически обоснованное изложение на семинаре в Суханово в начале 70-х годов прошлого века от О. Яницкого и Л. Когана, а затем неоднократно встречала в литературе. Эти положения я излагаю студентам-архитекторам на втором курсе по своему учебному пособию 1992 г. [15]. О них же, но в измененном ракурсе, студентам третьего курса рассказывает Г. А. Потаев – по учебнику 2003 г. [12]. Речь идет о **стадиях современной (индустриальной и постиндустриальной) урбанизации**. Названия стадий в этой теории – точечная урбанизация, субурбанизация, рурбанизация, дезурбанизация [16].

Урбанизация рассматривается как непрерывный естественноисторический процесс социального обновления, источником которого являются городские социумы. Урбанизация как таковая началась давно, с момента возникновения городов, т.е. около 10 тысяч лет назад. Современная же, промышленная урбанизация – относительно недавно, в XVII в., когда в Англии «овцы съели людей». И допромышленной и промышленной урбанизации присущ неизменный атрибут: крупные (относительно) города идут в авангарде социального развития, являются, по Марксу, «локомотивами истории», важнейшими узлами экономиче-

ского, культурного, политического развития человечества. В них зарождаются и обкатываются все инновации, как позитивные, так и негативные. В городе изобретен паровой двигатель, открыта общая теория относительности, расшифрованы ДНК. Но и новые виды преступлений также изобретаются в городах. Тысячелетиями города-центры грабили свой хинтерланд, эксплуатировали его, «высасывали» из него товары и людей. Но и вносили в государственную казну основную массу налогов, организовывали совместную деятельность населения, обеспечивали оборону страны, показывали образцы если не лучшей, то более легкой жизни. За быстро развивающимися крупными городами – «полюсами роста» – испокон века гонятся другие поселения, города меньшего размера, села, деревни. Эта гонка за лидером – меньших поселений за большими, деревни за городом – составляет сущность современной цивилизации, она делает непрерывной и понятной для нас историю социумов от шумеров до жителей Европейского Союза. Человечество развивается, догоняя лидеров, а лидерами являются большие, крупные, крупнейшие города, в которых формируется притягательный для других эталон образа жизни.

Могло ли такое развитие происходить, если бы ресурсы не концентрировались и не использовались в отдельных точках, а равномерно размазывались по территории? Нет, конечно. У человечества просто не достало бы сил развивать все заселенные территории одновременно. Раздача ресурсов по принципу «всем сестрам по серьгам» невозможна ни для природы ни для общества. Поэтому потенциал развития концентрировался в населенных пунктах, наиболее выгодно размещенных в пространстве обитания.

Начальная стадия урбанизации так и названа – точечной. Точками были Троя, Афины, Карфаген, Рим, Шанхай, Мумбаи, Москва, Мехико, Нью-Йорк, Сидней... Лишь в конце XIX – XX веке, лишь в самых продвинутых странах, лишь в регионах этих стран с самой большой плотностью населения и промышленности начался переход к

следующей стадии современной урбанизации – к формированию городов-спутников, агломераций, конурбаций, мегалополисов, метрополитенских статистических ареалов, американской «субарбии». Это уже следующая стадия индустриальной урбанизации – **субурбанизация**. Она существенно трансформировала точечную модель: вокруг крупных и больших городов сложились кусты тяготеющих поселений, точечная модель стала воистину гравитационной. Окружение крупных городов на этой стадии развивается быстрее центров, но становится еще более зависимым от него.

С развитием производительных сил в стадию субурбанизации, описываемую гравитационной моделью, входят страны с догоняющей экономикой. Промузел в Шабанах, медицинский центр в Боровлянах, поселки садовых товариществ, а также «элитные поселки в традиционном аграрном ландшафте» – Г.Б., проектирование городов-спутников и др. говорит о том, что и Беларусь тоже вышла на тропу субурбанизации и делает по этой тропе вполне уверенные шаги. Переход от точечной урбанизации к субурбанизации – эволюционный, медленный переход. Обе схемы работают параллельно. Именно поэтому гравитационная модель в Беларуси «длительное время не подвергается никакому сомнению и, тем более, критическому осмыслению – Г. Б.». Это легко объяснить – она отражает особенности современных процессов общественного воспроизводства с вполне допустимой погрешностью.

За субурбанизацией при условии дальнейшего развития экономики, (появлении скоростных экспресс-поездов, летящих между городами со скоростью самолета, распространением информационных технологий, ростом образованности и квалификации населения, формирования «общества потребления») наступает стадия **урбанизации**, для которой характерен помимо дальнейшего развития агломераций ускоренный рост поселений **в удалении от высокоурбанизированных зон**, за пределами

агломераций. Городской образ жизни распространяется на все поселения, включая ту местность, которая традиционно считалась сельской. Постепенно повсеместно обеспечивается «конкурентное разнообразие равнодоступных качественных сред для проживания, труда, досуга всех членов местных сообществ вне зависимости от их величины и локализации». – см. статью Г. Б. Т.е. для управления развитием урбанизации становится приемлемой сетевая модель организационно-пространственной структуры расселения. До этого Беларусь еще не дошла, а страны Евросоюза уже там. Потому, что сумели развить свою экономику. Не потому, модель расселения политики и проектировщики поменяли, а потому, производительные силы, инфраструктуру, культуру стран жители подняли до уровня, когда саморазвивающимся и самоусложняющимся системам расселения пришла пора перейти в новое состояние. \$30 000–\$50 000 подушного дохода в год вместо сегодняшних \$4 000 – \$9 000 – и любая страна постсоветского пространства сможет использовать сетевую модель для управления развитием городов и систем расселения.

С дальнейшим ростом производительных сил наступает следующая стадия индустриальной, точнее уже постиндустриальной, урбанизации – **дезурбанизация**, деконцентрация населения, переселение коренных горожан в бывшую сельскую местность. Это явление даже в странах-лидерах массовым не стало, но уже статистически уловимо. Например, население Хельсинки за 60 – 80 годы прошлого века уменьшилось на 42 тыс. человек при ежегодном приросте населения в стране на 0,4 % [17]. В литературе были сообщения о таких же процессах во Франции, ФРГ, Испании. Это уже феномен глобализации и общества потребления, где индивид становится нуклеарной единицей, которая через стимулируемое маркетологами избыточное потребление и «...через каналы массовой коммуникации связана непосредственно с глобальным обществом, как бы минуя первичный уровень социальной

организации» [18, с. 92]. Ей, этой единице, все равно где жить. В том смысле, что интересной и доходной работой, доступностью развлечений, всесторонним комфортом вытесняются этнические ценности, традиции, вера, создается ситуация, когда люди не связаны с «тенями забытых предков». Такая единица без особых переживаний мигрирует из Малайзии в США, женится на эскимоске и чувствует себя как дома. Социальная толерантность этих «нуклеарных единиц» становится условием общего прогресса и одновременно – условием самореализации каждой личности. Возможно, что здесь сетевая модель точнее отразит реальную ситуацию.

Г. Б., наверное, все же поспешил с утверждением, что в Беларуси «уже наступило» будущее, которому адекватна сетевая модель расселения. Как показывает опыт экономически развитых стран Запада, оно, может быть, и наступит, если хватит природных ресурсов Земли, если на планету не свалится огромный астероид, если не наступит глобальное потепление или глобальное оледенение, если среда обитания не станет бесплодной или агрессивной, если не разразится чумная пандемия, если страну не затронут военные конфликты ... Причем наступит в форме рурбанизации, а затем дезурбанизации, и тогда не исключено, что потребуются реальное разрушение жестких иерархических организационных структур, а в управлении потребуются переход к «децентрализованным методам управления пространственным развитием» – Г. Б.

Основная часть. Вопрос четвертый, но-стальгический.

Сформулированная Г. Б. мечта о стране, где повсюду, на всех заселенных территориях всем людям можно будет одинаково разнообразно, свободно жить, полностью реализуя свои возможности и даже не затрачивая излишних сил на передвижения с места на место, пробудила во мне комсомольские воспоминания. В детстве и юности мы всей душой верили, что будем жить при коммунизме. «От каждого по способно-

стям – каждому по потребностям» – чем не общество потребления в Монако или Люксембурге в 2007 году? Партия и Правительство тогда стимулировали мечтания об «отказе как от противоестественного скопления больших масс в городах, так и от деревенской заброшенности и одичалости» (если я правильно цитирую В. И. Ленина). Ликвидация противоположности города и деревни (все программы ВКП (б) / КПСС) до Н. С. Хрущева, преодоление существенных различий между городом и деревней при Л. И. Брежнев. Конкретно – проектирование и строительство экспериментально-показательных агрогородов, переселение «неперспективных» деревень в «перспективные».

Теория равномерного распределения всего населения по территории страны в одинаковых, оптимальных по людности, городах, была распространена в советском градостроительстве. Оптимум людности, насколько я помню, был определен адептом теории равномерного расселения и идеального города крупным экономгеографом В. Г. Давидовичем. Оптимум этот менялся, я помню цифры 50, а потом 250 тысяч человек. Кстати, Давидович – автор широко известной монографии «**Планировка городов**». Отголоски этой теории прослеживались еще у НЭРовцев, только оптимум стал 100 тысяч. Сегодня «оптималисты» тоже есть, но порог целесообразного укрупнения мегаполисов мегаполиса они определили в 6 млн. чел.

Никакого равномерного расселения в СССР не получилось. Ничего не получилось из благого намерения создать одинаковые условия жизни для всех путем «равномерного расселения» всего населения в равнокомфортных условиях по территории СССР – идея была преждевременной, а потому и нереальной. Наоборот, к настоящему времени еще более обезлюдела пустынная Сибирь, еще больше миллионов задыхается в Москве, Петербурге, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Новосибирске в столицах стран СНГ. В Минске, притянувшем,

как магнит, 20% населения страны. Это работала непреодолимая гравитационная модель, вопреки всем плановым и планировочным решениям.

Относительно равномерный исторически сложившийся рисунок расселения Беларуси исчезает на глазах. Население концентрируется в областных центрах и их пригородных зонах, а обжитые земли заустевают. Органы местного самоуправления реально не могут справиться не только с задачей сохранения культурного разнообразия, но даже просто с ликвидацией или облагораживанием пустующих хат и заросших бурьяном приусадебных участков, последние владельцы которых кончают земной путь в среде, лишенной даже того разнообразия, которое было освящено тысячелетними традициями. В агрогородках Витебской области пустует 1500 **новых усадеб** с полным благоустройством, а население Витебска (это опорный центр системы расселения, центр тяготения, основа «гравитации») пополняется добровольными мигрантами. Т. е. полярная гравитационная модель пока еще сильна. Развивающаяся рядом и параллельно с ней новая, соответствующая более сильной экономике, организационно-пространственная структура расселения рождается, как и всегда, трудно, с ошибками и просчетами, с преодолением инерции. Этот естественный процесс нельзя ускорить построением новых виртуальных моделей, даже более прогрессивных, более западных (восточных, южных, сложившихся в Японии, в ОАЭ).

Последний коварный вопрос – как повлияет на устойчивое человеческое развитие растекание по всей экумене **одинаково** благоприятных условий для совершенствования каждой личности, исчезновение точек опережающего роста, а тем самым и прекращение постоянной гонки за лидером? Ведь «способность системы к выживанию тем ниже, чем система однороднее» [19], а что может быть однороднее среды, **одинаково** разнообразной в каждой точке? Повсеместное равенство, отсутствие образцов,

к которым нужно стремиться, прилагая все усилия, отсутствие перспективы пробиться через «тернии к звездам» может оказаться непреодолимым тормозом шедшего много тысячелетий экстенсивного социального развития: роста населения, роста потребностей, расширения освоенных территорий, все более результативной эксплуатации природы. Реальное исчезновение расселения, основанного на полярности элементов, прежде всего на противоположности города и деревни, свидетельствует, по мнению философа И. Яковенко «...о завершении большого этапа истории, который начался с возникновением городов. Многие устойчивые вещи – классическое разделение на город и деревню, привычные формы государства себя исчерпывают»[20]. Вместе с повсеместным разнообразием (читай – с исчезновением принципиального разнообразия) всего и вся наступает межсистемный кризис, катастрофа **нашей** цивилизации. И возникает необходимость полной перестройки всех сфер общественного воспроизводства – биодемографической, экономической, социокультурной, политической. Правда, за весь земной шар переживать еще рано: в странах с неразвитой экономикой преобладает так называемая «ложная урбанизация», которую Англия проходила, если не ошибаюсь, еще при Елизавете и знаменовала прилюдным повешением в Лондоне бродяг, бежавших туда из деревень от безысходности, не имея ни работы, ни жилья, ни денег. В Мумбаи же из 19 млн. жителей 7 млн. обитают в трущобах, а 2 млн. ютятся на улице сегодня, а не при Елизавете. Индии и вообще «большой» половине человечества до общества потребления и сетевого управления развитием организационно-пространственной организации систем расселения далеко, как до линии горизонта.

Заключение. Вопросы управления процессами градостроительного развития, поднятые в статье Г. Баранца, имеют огромное значение для профессионального мышления. Осмысление объективных закономерностей развития урбанизации важно для

осознания теоретических основ градостроительства и территориальной планировки. Еще более оно важно для подготовки новых архитектурных кадров, которым придется принимать **планировочные** решения в рамках **планирования** социально - экономического демографического, экономического, социокультурного развития поселений и регионов.

Литература:

1. Иодо, И.А. Градостроительное формирование крупных территориальных систем (в условиях Белорусской ССР). Автореф. дис. ... д-ра архитектуры: 18 00 04 / И.А.Иодо. – Ленинград: ЛИИСИ, 1987. – 53 с.
2. Иодо, И.А. Опыт работы и новые направления в районной планировке Белорусской ССР. Обзорная информация. / И.А.Иодо, И.И.Семенкевич, К.К.Хачатрянц – Минск: Бел НИИНТИ Госплана БССР, 1976. – 41 с.
3. Поляков, Н.Х. Основы проектирования планировки и застройки городов. Учебное пособие для вузов. / Н.Х. Поляков – М.: Издательство литературы по строительству, 1965. – 231 с.
4. Правила и нормы планировки и застройки городов. СН 41-58 / Госстрой СССР. – М.: Госстройиздат, 1959. – 179 с.
5. Градостроительство. Планировка и застройка населенных мест. СНиП 2.07 01-89. / Госстрой СССР – М.: ЦИТП Госстроя СССР, 1991. – 56 с.
6. Градостроительство. Планировка и застройка населенных пунктов. СНБ 3.01.04-02. / Минск: МАУС РБ, 2003. – 63 с.
7. Градостроительство. Населенные пункты. Нормы планировки и застройки. ТКП 45-3.01-116-2008 (02250). / Минск: МАУС РБ, 2009. – 68 с.
8. Градостроительство. Районы усадебного жилищного строительства. Нормы планировки и застройки. ТКП 45-3.01-117-2008 (02250) / Минск: МАУС РБ, 2009. – 24 с.
9. Англо-русский строительный словарь. Сост. П.Г.Амбургер. – М.: Главная редакция иностранных научно-технических словарей, 1961. – 599 с.
10. Мале місто. Методичні вказівки для студентів спеціальності 712101103 «Містобудовання» / Уклад. В.Б.Посацькі, Т.М.Мазур, А.Ю.Соколюк. – Львів: ДУЛП, 1996. – 78 с.
11. Закон Республики Беларусь «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь». – Минск: Амаффея, 2005. – 28 с.
12. Иодо, И.А. Основы градостроительства и территориальной планировки. Учебник для вузов. / И.А.Иодо, Г.А.Потаев – Минск: Универсалпресс, 2003. – 216 с.

13. Заренков, В.А. Управление проектами. / В.А.Заренков. – М.: Изд-во АСВ; С-ПбГАСУ, 2008. – 312 с.

14. Гвишиани, Д.М. Организация и управление. Социологический анализ буржуазных теорий. / Д.М.Гвишиани – М.: Издательство «Наука», 1970. – 382 с.

15. Хачатрянц, К.К. Социальные основы архитектурного проектирования. Учебное пособие для вузов./ К.К.Хачатрянц. – Минск: Вышэйшая школа, 1992. – 151с.

16. Хорев, Б.С. Урбанизация. / Б.С. Хорев, С.Г.Смидович // Демографический энциклопедический словарь; под общей ред. Д.И.Валентя. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 495–498.

17. Бурнашев, Э.Ю. Финляндия. / Э.Ю.Бурнашев // Демографический энциклопедический словарь / под общей ред. Д.И.Валентя. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 506-507

18. Круусвал, Ю. Занятость и организация. / Ю. Круусвал //Человек в социальной и физической среде./ редкол. Х. Лийметс (отв. редактор) [и др.] – Таллинн: Эстонское отделение общества психологов СССР, 1983. – сс.97-142.

19. Заборский, Г.А. Как не потерять конкурентное преимущество. /Г.А.Заборский //Архитектура и строительство. – 2008. – №11. – С. 29-32.

20. Яковенко, И. «Вчерашняя» страна в ожидании будущего. /И.Яковенко //Знание – сила. – 2009. -№12, сс. 40-46

К.К. Hachatryants

Architecturally- urban planning and management of development of settlements and territories. In this article some questions of the objective laws of a modern urbanization and necessity of their account in the architecturally- urban planning are brought up.

УДК 72.036 (476)

НА ПУТЯХ ПОИСКА НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ: Г. СЫСОВЕВ

Чернатов В. М.

Кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Архитектура жилых и общественных зданий», БНТУ

Материал посвящен сложному периоду белорусской советской архитектуры второй половины 1950 начала 1970-х гг., когда шла борьба с излишествами в архитектуре, активно внедрялось типовое проектирование, строительство переходило на индустриальные методы возведения зданий и сооружений. В этих условиях, старшее поколение белорусских зодчих вынуждено было отойти от творческого процесса, уступив место молодой генерации. Среди искателей современности в белорусском зодчестве был архитектурный «тандем» Г. Сысоев, С. Мусинский ставший лидером переходного периода. Исследование творческих поисков в белорусской архитектуре на примере наследия Г. Сысоева – это возможность обратиться к осмыслению архитектуры как искусства и в то, казалось бы, не самое подходящее для этой цели время.

Введение. Имя Георгия Васильевича Сысоева, патриарха белорусской архитектуры, заслуженного архитектора БССР, лауреата государственной премии БССР и премии Совета Министров СССР, члена-корреспондента Российской (Петровской) Академии наук и искусств, академика белорусской Академии архитектуры по праву вошло в яркое созвездие выдающихся зодчих Белоруссии послевоенной эпохи. Архитектурные произведения, созданные мастером, овеяны вдохновением, взлетом творче-

ской фантазии. Он, как один из ведущих архитекторов республики активно участвовал в решении важнейших государственных задач, выдвигаемых жизнью общества, социалистической культурой. Эти обстоятельства и позволяют проследить его творческий вклад в архитектуру, определить лидирующее место в истории белорусской культуры XX в. Как чуткий художник Г. Сысоев отразил всю сложность и противоречивость эстетических взглядов целой эпохи.

Основная часть. Архитектурный дебют Г. Сысоева в Белоруссии состоялся в 1951 г., он совпал со сложными годами советской архитектуры, которые характеризовались не только драматизмом переходной ситуации внутри профессии, но и новыми требованиями, предъявляемые к архитектуре обществом. Призыв к новой архитектуре в БССР нашел благодатную почву и это несмотря на то, что здесь были крепки корни архитектурной классики. Среди искателей новых художественно-стилистических путей в архитектуре, кто смело отодвигал устои «сталинского классицизма» был и Георгий Васильевич. Старая гвардия белорус-